

Из выступления народного артиста СССР

Ю. Завадского по радио

Мне хочется рассказать о том, как вошла музыка в мою жизнь. Иногда мне кажется, что если бы я не стал режиссером, то я стал бы композитором или, вернее, дирижером. Если говорить поточнее, то режиссер — он как бы и дирижер, и композитор. Есть режиссеры, которые только переключаются, так сказать, на сцену написанную пьесу. А иногда режиссура становится в значительной мере композиторской деятельностью. Ну, скажем, возьмем такое «сочинение» Станиславского, как «Горячее сердце». Это не просто Островский, это Островский-Станиславский. Вот почему в свое время так даже в штыки кое-кто встретил эту работу: какой же это Островский? Непривычно! Да, это спектакль Станиславского, он автор спектакля. Но еще было бы правильно сказать: композитор спектакля. Уже при всех условиях дирижер должен вскрыть эту внутреннюю музыку спектакля и как бы продирижировать спектаклем, найти его внутренний строй, найти всю композицию спектакля, смену ритмов, развитие, динамику, искать тембры.

Музыка для меня не только теоретически, но и практически, душевно необычайно дорога. Я считаю, что без музыки вообще жизни нет, все пронизано музыкой...

Мои детские воспоминания связаны с тем, что мама моя и моя тетка очень любили музыку. Тетя Аня не стала профессиональной музыканткой, но училась она у замечательного московского музыканта Игумнова. Игумнов очень высоко ценил ее, считал, что она интереснейшая из его многих впоследствии прославленных учеников. И вот как сейчас звучит музыка этой тети Ани. Вот она играет Баха. Бах для меня на всю жизнь стал какими-то мерилом истинной музыки.

Хотя в то же самое время возникают впечатления и от музыки той, которая пронизывает быденную жизнь, превращая ее или в праздник, или вскрывая ее печали или надежды, я имею в виду песню, народную песню. Так вышло, что в детстве пришлось жить летом в деревне. И вот эта деревня с ее плясками, с ее ночными хороводами, это где-то осталось, осталось как глубокая, понимающая, отрада жизни, как то, что для человека составляет какую-то отдушину. Но это особая тема песни.

Я не стал музыкантом, пианистом. В юности у меня была страсть рисовать, я занимался спортом, увлекался литературой, мне просто не хватало времени усидчиво сидеть за роялем.

Но в гимназические и позже в студенческие годы я слушал всех замечательных певцов и, конечно, Шаляпина, почти во всем его репертуаре.

Это явление настолько грандиозное, и, к великому сожалению, записи, которые сохранились, они все же не передают, на мой взгляд, всей огромной мощи и неповторимости его исполнения, его звучания в атмосфере воспринимающего звучание зала. Это ведь особая вещь — душевная акустика зрительного или слушательного зала слушателей. И она, к сожалению, не передается в записи. Собинов, Нежданова, да ну что тут говорить?...

Но самая удивительная для меня была встреча с симфоническим искусством. Я слушал не только все концерты так называемого русского музыкального общества, но так увлекался, что проникал на репетиции, сидел где-то в уголке и незаметно слушал и наблюдал, как дирижируют дирижеры. Всех приезжих дирижеров, вплоть до Никиша, которого я слушал стоя в глубине оркестра, так что близко наблюдал его манеру дирижирования. У каждого дирижера своя манера. Скажем, величественная, мощная манера дирижирования Никиша, она охватывала весь оркестр орлиным размахом его рук. А в Рахманинова-дирижера я просто был влюблен! Ну, что он изумительный композитор и изумительнейший музыкант, пианист, это знают все, потому что сохранились записи в его исполнении, пластинки. Это замечательное лирическое совершенство или оратория единственная, которую он составлял, когда он играл...

Вот, скажем, Кусевицкий — очень хороший музыкант к тому же — великолепно отработанный дирижер, потому что, говорят, он даже занимался с преподавателем, который выработывал у него пластику. Все красиво, все элегантно, все изящно и в патетических местах, понимаете ли, он красиво выходил из себя. А у Рахманинова было все иначе. Выходил нескладный, какой-то такой стриженный человек, угловатый, кланялся как-то нескладно, как бы складываясь пополам. Потом становился у пюльта, вынимал из внутреннего кармана пенсне, долго его прилаживал, брал палочку в руку, ударял и... И в это мгновение вас как будто пронзала электрическая искра. Наступала мертвая тишина, и Рахманинов преображался, будто в нем эта музыка была заключена. Причем замечательно, что он широко, свободно и мягко дирижировал лирические места, но по мере того, как музыка набирала какую-то внутреннюю силу, набирала стремительность и мощь, его движения становились короче, еще короче, потом он вдруг переставал дирижировать. Было ощущение, что это стоит насыщенный внутренней силой человек, который только глазами дирижирует, какими-то внутренними импульсами. Я слышал и видел в жизни много дирижеров, но подобного больше не повторялось. Может быть, это еще потому, что связано с моим юношеским, таким первым огромным впечатлением, но это у меня осталось в памяти навсегда.

И сейчас приезжают замечательные дирижеры. Вот Караян, который всех нас покорила. У каждого своя манера дирижировать, но на всю жизнь мне запомнилась поразительная внутренняя сила, которая была заключена в Сергее Рахманинове... Музыка сопровождала меня всю жизнь и сопровождает сейчас. Я не пропускаю музыкальные концерты в филармонии или в зале Чайковского, когда приезжают изумительные музыканты, стараюсь слушать наших замечательных музыкантов, таких, как Рихтер, Ойстрах, Коган...

У меня в жизни так сложилось, что я наблюдал изумительное, музыкальное, насквозь музыкальное искусство... Близко мог видеть искусство Галины Улановой. Это грандиозное, совершенно уникальное, неповторимое, несравненное ни с чем явление в нашем искусстве. Я ее одну выделяю, потому что ее искусство — как бы воплощение музыки средствами танцевальными, пластическими. Это всегда было проникновением в музыку и всегда воплощением музыки и в образном танце. Все живое, все оживающее и оживающее в этом выразительном своеобразном танце. Она танцевала разные партии, но партия для нее всегда была не просто поводом для того, чтобы приложить туда обычные, танцевальные движения, какие-нибудь фигуры pirouettes, или там па-де-ша, или прыжки и так далее. Нет, весь арсенал технических балетных приемов как бы по разному звучал, в зависимости от той музыкальной тональности, что ли, характеристики, которым он был подчинен. А весь этот классический танец делался иным, когда он соединялся с музыкой Прокофьева и иным, когда он соединен был с «Лебединым озером» Чайковского.

Я видел несколько записей фильмов с ее участием. Горько и досадно. Несмотря на то, что там есть прекрасные вещи, все-таки самого главного не может получить тот, кто будет смотреть только эти фильмы. Не может получить ощущения, кто такая Уланова, ибо ее существование на сцене, проникновение музыкой, оно было в то же самое время каким-то ну вот сегодня возникшим, создавшим между сценой и ею какую-то паразитную среду единения, захвата зрителя. И зритель волновался, у него подступал ком к горлу. И волнение, и какое-то, понимаете, ощущение судьбы человеческой, о которой она рассказывает со сцены, и восторг от того, что перед ним возникало такое удивительное самозабвенное искусство, искусство гениальной актрисы Улановой, сочетающее в себе потрясающую, музыкально отчетливую, тончайшую прозрачную технику с воображением — в лучшем смысле детском, ребяческим... о котором мечтал Станиславский, когда говорил о великих артистах.

"Радиопрограмма" 10/1968г.